Н. В. Трофимова

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА НА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР В 1220 Г. В ЛЕТОПИСНЫХ СВОДАХ XV–XVI ВЕКОВ

В 1220 г. по приказу великого князя владимирского Юрия Всеволодовича его младший брат Святослав, княживший в Юрьеве Польском, в союзе с другими князьями совершил победоносный поход на волжских булгар. Причины похода историками трактуются по-разному. Ю.А. Лимонов полагал, что он «преследовал… возобновление торгового договора с болгарами и защиту традиционных торговых сделок»[1]. Д. Феннел рассматривал поход как устрашающую меру в ответ на попытки булгар захватить города ростово-суздальской земли[2]. И та и другая точки зрения находят свое подтверждение в летописных текстах. Первая обосновывается сообщением, следующим за рассказом о походе Святослава, о троекратном посольстве волжских булгар к Юрию Всеволодовичу и о заключении мира на прежних условиях, как было при Всеволоде Большое Гнездо и Юрии Долгоруком. Вторая версия оправдана сообщением под 1219 г. о взятии булгарами Устюга и неудачной попытке захватить Унжу. Можно предполагать, что обе причины послужили основанием для соединенного похода сил владимиро-суздальских князей. Это событие по-разному отразилось в летописных сводах XIV–XVI вв. Рассказ о нем имеет три основных вида.

Первый вид зафиксирован Лаврентьевской летописью. В ней кратко рассказано об отправлении Юрием Всеволодовичем войска во главе с его братом Святославом на булгар, намечены основные этапы в ходе битвы у города Ошела и сообщено о победе Святослава. Повествование лишено деталей: в нем не рассказывается, как это было обычно, о составе войска, из всех участников назван лишь глава похода, не раскрываются результаты битвы, не описано возвращение победивших в свою землю. Несмотря на краткость изложения, в тексте от-

четливо просматривается провиденциальное толкование фактов: говорится о том, что воины Святослава были «силою креста чьстнаго укрепляеми» (444)[3], «поможе Богъ Святославу» (445); дата победы дана не только по светскому, но и по церковному календарю («мѣсяца июня в 15 дьнь на память святаго Амоса» (445)).

Второй вид повести находится в Ермолинской летописи, текст которой А.А. Шахматов возводил к Ростовскому владычному своду[4], а А.Н. Насонов полагал, что в интересующей нас части Ермолинский и Московский своды восходили к общему протографу 60–70-х гг. XV в., который автор Ермолинской летописи сокращал[5]. Эта повесть более подробно передает ход событий, указывая на обстоятельства, в которых происходила битва (описаны укрепления Ошела, упомянута буря, начавшаяся во время боя). Последовательно рассказано о действиях русского войска и булгар. Значительное место занимает повествование о событиях, последовавших за сражением: шествии победоносного войска по землям противника, встрече с ростовским и устюжским полками, завоевавшими земли по Каме, возвращении во Владимир. Обращая внимание на ход событий, летописец в то же время не уделял внимания их участникам.

Этот вариант повести позже использован был составителями кратких летописных сводов 1497 и 1518 г., а также во всех списках Никоновской летописи, кроме Лаптевского, и в Тверском сборнике.

Третий вид повести, самый полный и яркий в литературном отношении, зафиксирован в Московском летописном своде конца XV в., Воскресенской летописи, Никоновской по Лаптевскому списку. А.А. Шахматов возводил эту часть Московского свода к древней Владимирской летописи через Ростовский свод времени епископа Ефрема второй четверти XV в., а М.Д. Приселков, говоря о своеобразии свода Ефрема, уточнял, что в основе его лежала владимирская великокняжеская летопись Юрия, пополненная по ростовскому своду[6].

Повесть по сравнению с текстом в Ермолинской летописи дополнена множеством деталей. Подробно рассказано о силах князей, принявших участие в походе. Повествователь сообщает о расстановке войск на подходе к Ошелу Святославом: «Изряди же Святославъ полкы своя, Ростовъскыи постави по правой руце, а Переяславъской по левой, а самъ ста с Муромъскыми князьми посреди, а инъ полкъ остави у лодеи, сами же поидоша от берега къ лесу. И прошедшемъ имъ лесъ, выидоша на

поля къ граду» (160)[7]. Если Ермолинская летопись только упоминает о выходе навстречу Святославу булгар, то Московский свод рисует более детальную картину: «и усретоша их Болгаре со княземъ своимъ на коних, и поставиша полкъ на поли» (160). Добавлены отдельные выразительные детали и в рассказе о движении русского войска к городу, и в описании укреплений Ошела. Московский летописец упоминает о быстром движении войска Святослава («поиде *вборзе* къ граду» – 160), об особой прочности укреплений («*крепок* тынъ дубовъ» (160) окружал город), эмоционально усиливает формулу начала битвы (в Ермолинской: «И бысть брань зла» – 96[8], в Московском своде: «И бысть брань межи ими крепка зело» – 160–161). Детализируется эпизод битвы за Ошел: летописец обращает внимание на то, что первый приступ к осажденному и подожженному городу оказался неудачным из-за сильного ветра, несшего дым на войско Святослава, поэтому второй приступ пришлось начать с другой стороны.

Появляются некоторые детали и в картине бегства булгарского князя из города. Если Ермолинская просто сообщает «а князь ихъ беже из града» (97), то Московский свод подчеркивает: «Князь же Болгарьскы беже инеми вороты и утече на коних в мале дружине» (161). Возможно, эта деталь подчеркивает для летописца различие русского и вражеского предводителей: Святослав первый бросается в бой впереди своего войска, а булгарский князь с небольшой конной дружиной бежит, бросая на произвол судьбы пешее войско и мирных горожан.

Судьба жителей взятого Ошела в обеих повестях показана примерно одинаково: картина их гибели построена на основе распространенной формулы судьбы побежденных: «а что пешець выбегло, мужи избиша, а жены и дети в полонъ взяша, а инии въ граде погореша, а инии сами изсекоша жены свое и дети, и по том сами ся избиша» (161). Зато о судьбе части победителей, польстившихся на богатство горожан, говорит только Московский свод: «Нецни же от вои Святославлих дьрзнуша внити въ градъ корысти деля и едва утекоша пламене, а инии ту изгореша» (161).

После победы и соединения с войском Воислава Добрынича на устье Камы, по свидетельству Московского свода, «посла Святъславъ весть пред собою къ брату своему Юрью, и дошед Городца выиде из лодеи и поиде къ граду Володимирю на коних» (162). Все перечисленные дополнения говорят о большей точности повествования в Московском своде.

В повести усилено изобразительное начало. Описание горящего города, которое в Ермолинской летописи сводилось к единственному краткому замечанию «отвсюду огнь обьстоаху около града» (97), превращается в зрительно воспринимаемый фрагмент: «И обьятъ градъ огнь отвсюду, и бысть буря велиа, и страшно бысть видети...» (161). Аллитерация звонких согласных и анафорический союз «и» при инверсированных конструкциях придают эмоциональность описанию.

Рассказ об обратном пути войска содержит описание бури, застигшей Святослава у лодей, о которой другие варианты повести даже не упоминают: «И поиде оттуду князь Святославъ къ лодиямъ своимъ. Бывшу же ему у лодеи, и въста буря съ дождемъ, яко же и лодиамъ възмястися, и потом же нача буря тишитися, и преиде князь Святославъ в заветрие на островъ с полкы своими и Муромские князи с ним. Ту же и на ночь облеже. И на утреи ту обедавше поидоша прочь въверхь по Волзе» (161). Обычно в летописных повестях описание бури во время похода связано с судьбой того или другого войска, с ходом действия. В данном случае сюжетного значения описание не имеет, оно лишь передает обстановку одного из эпизодов похода. Включение этого отрывка в повесть может свидетельствовать о стремлении летописца к последовательному рассказу обо всех событиях похода, в то время как в Ермолинской летописи автор останавливается лишь на самом главном: всему приведенному фрагменту соответствует одна фраза: «И тако возратишася к лодьямъ и поидоша по Волзе вверхъ» (97).

В ряде эпизодов описательные элементы соседствуют с изображением чувств собирательных персонажей – русского воинства и булгар. Так, описывая неудачный первый приступ к городу, летописец рисует картину войска, охваченного дымом, и одновременно передает состояние воинов: «По том же *приступиша* къ граду отвсюду и *зажгоша* его; и *бысть* дымъ силенъ зело, и *потягну* ветръ съ града на полки Святославле, **и не бе видети человека въ дыме**, и *не могуще терпети* дыма и зноя, паче же безводиа, и *отступиша* от града, и *седоша опочивати* отъ многаго труда» (161). Выделенная формула, обычно включавшаяся в описание напряженной и длительной битвы, использована в необычном контексте – изображении пожара. Построение фразы с анафорическим соединительным союзом и постановкой на первое место в частях предложения глаголов и глагольных форм создает ритмичность, акцентирующую впечатление напряженности действия и тяжести состояния воинов.

Незначителен в сюжетном отношении, но живописен и психологичен эпизод встречи победителей с булгарами, узнавшими о взятии Ошела и вышедшими из других городов на берег, чтобы видеть войско Святослава. Картина эта в Ермолинской летописи сдержанна: «Святославъ... повеле своимъ вооружатися и стяги наволочити, изряди полки вь насадихъ, и удариша в бубны и въ трубы и въ сопели, а Болгаре, стоаще по брегу, зряще своихъ плененыхъ, плакашеся» (97). Гораздо ярче нарисован облик русских воинов и булгар в Московском своде, благодаря незначительным, на первый взгляд, изменениям: Святослав «повеле же всемъ воемъ своимъ *оболочитися въ бране*, и стягы наволочити, и наряди полкы въ насадехъ *и в лодиахъ*, *и поиде полкъ по полце*, бьюще въ бубны и въ трубы и въ сопели, *а самъ князь по них поиде*. Болгари же идуще по брегу, *видяще своих ведомых, овому отци, иному сыны и дщери, другому же братья и сестры и съплеменици*, <u>*и стаху покивающе главами своими и стонюще сердци ихъ и смежающе очи свои*</u>» (161). В описание добавлен ряд деталей, благодаря которым удалось представить зримую картину стройно движущегося русского войска. «Оболочитися въ бране» не только лексически, но и звукописью передает действие более ярко, нежели «вооружатися», при этом впечатление дополняется двумя созвучными полногласными словами: «оболочитися» и «наволочити»; так же оборот «поиде полк по полце» нагнетанием начальных глухих звуков дополняет впечатление мерного движения войска. Усилена аллитерация в начале слов, помогающая передать звучание ратной музыки, с помощью замены глагола: вместо «удариша въ бубны и въ трубы» – «бьюще въ бубны и въ трубы».

Оборот «видяще своихъ ведомыхъ», в отличие от синонимичного «зряще своихъ плененныхъ» в Ермолинской летописи, также создает звукопись, эмоционально подчеркивающую данный затем перечень родных, которые попали в плен. Душевные переживания булгар, переданные в Ермолинском своде одним словом «плакашеся», в Московском раскрываются более подробно в трех синтаксически параллельных частях фразы с анафорическим союзом, при помощи метафорического образа, экспрессивность которого подчеркнута нагнетанием свистящих и шипящих звуков.

Таким образом, упомянутые описательные элементы имеют изобразительно-выразительный характер, достигающийся разнообразными языковыми средствами.

Главный герой повести князь Святослав Всеволодович представлен в Московском своде значительно ярче, чем в других вариантах текста. Он изображен как главное лицо похода, ему принадлежат все важнейшие решения: он расставляет войска, первым со своей дружиной идет к Ошелу и вступает в битву. В момент, когда первый приступ к городу оказывается неудачным из-за дыма, Святослав произносит две речи, отсутствующие в других вариантах текста. Первая содержит приказ начать новый приступ с другой стороны Ошела. Вторая, уже у городских ворот, напоминает речь князя Святослава Игоревича к своим воинам в «Повести временных лет»: «Братие и дружино! Сегодне нам двое предлежить, или добро, или зло, да потягнемъ борже» (161) (ср.: «Уже нам пасти зде, потягнем мужески, братие» – 971 г., с. 482). Вслед за этой речью летописец приводит сообщение, которое было и в Ермолинской летописи, о том, что князь первым пошел к городу («И тако напредъ всехъ *потече* самъ князь Святославъ ко граднымъ вратомъ, и по немъ вси вои, и тамо тынъ и оплотъ, а Болгаре *бежаша* во градъ, а сии, *пришедше*, градъ *заждгоша*» (97)). В Московской летописи эпизод приобретает динамичный характер благодаря использованию значительного числа глаголов и глагольных форм (девять вместо четырех), обозначающих решительные действия русских воинов: «И *потече* сам князь преди всех къ граду; *видевше* же его вои вси *устремишася* к граду борже, и *посекоша* тын и оплоты и с ту страну, и *зажгоша*. А Болгары *побегоша* в город, си же *погнаху* их *секуще* и по том *зажгоша* град отвсюду» (161). Из сопоставления отрывков становится ясно, что второй летописец стремился подчеркнуть значение речи Святослава и его личной храбрости: не случайно упоминается о том, что воины устремились вслед за князем, а в обращении Святослава к войску и в описании приступа использовано одно и то же слово «борже» (быстрее) – призыв Святослава был услышан воинами и выполнен ими.

В дальнейшем повествовании распоряжение князя пройти вооруженными полками с музыкой мимо побежденных характеризует его как мудрого полководца: Святослав понимает значение такого марша в качестве подтверждения силы русского войска. Этот своеобразный «парад» должен был устрашить врагов и выполнил свое назначение, о чем говорят дальнейшие свидетельства летописи о посольствах булгар к владимирскому князю с настойчивыми просьбами о мире, которые только с третьей попытки увенчались успехом.

Помимо героя-полководца, в повести по Московскому своду появляется и герой-организатор похода, старший брат Святослава владимирский князь Юрий Всеволодович. Его роль подчеркнута отдельными деталями. Вначале говорится не только о том, что Юрий послал брата Святослава против булгар, но и о том, что именно великий князь назначил воеводой Еремея Глебовича, а также повелел послать полки Васильку Константиновичу ростовскому и муромским князьям. После победы Юрий встретил Святослава у Боголюбова: «и целовастася с любовью великою» (162), – сообщает Московский свод. По возвращении во Владимир великий князь наградил участников похода: «и створи князь Юрьи учрежение великое брату своему и воемъ всем по три дни, и многы дасть дары брату своему *златом* и сребромъ и **порты** розличными и **кони и оружиемъ**, *аксамиты и паволоками* и бельью, тако же и вои одари повелику, коего же по достоиньству. И отъиде Святославъ съ честию великою въ градъ Юрьевъ» (162). Это описание содержит два не вполне обычных компонента. Прежде всего, перечисление даров, данных победителю его старшим братом, напоминает скорее перечень военных трофеев, взятых в бою. Например, в рассказе о походе Олега на греков под 907 г. в «Повести временных лет» читаем: «несын *злато, паволоки*, овоць и вина, и всякое узорочие» (466). Есть подобное перечисление и в «Слове о полку Игореве»: «...а съ ними *злато, и паволокы, и драгыя оксамиты*» (24)[9]. Сходные упоминания встречаются и в памятниках Куликовского цикла (в «Задонщине»: «Уже бо русские сынове разграбиша татарские узорочья, и **доспѣхи, и кони**, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие, камки, насычеве...» (12); в Краткой летописной повести: «...погна бо с собою многа стада **кони**, и вельблюды, и волы, им же нѣсть числа, и **доспѣхъ, и порты**, и товаръ» (15); то же в Пространной (23)[10]). Интересно, что золото, паволоки, оксамиты упоминаются в виде трофеев в ранних текстах, а кони, оружие (доспех) и порты – в текстах XV в., рассматриваемая же повесть соединяет в перечислении все эти элементы. Основное значение слова «бель», подходящее по смыслу в данном случае («шкурка, мех белки» или производное «беличий мех как денежная единица»[11]), встречается, судя по данным словаря И. И. Срезневского и Словаря русского языка XI–XVII вв., в текстах домонгольской эпохи. Возможно, этот перечень в повести 1220 г. свидетельствует о двух этапах в работе над текстом: в XIII и XV вв.

Упоминание о том, что воины были награждены, не является уникальным, необычно то, что их одарили «коегождо по достоинству». Аналогия этому сообщению в более ранних летописных памятниках, кажется, есть только в Новгородской I летописи старшего извода в статье 1016 г. о награждении Ярославом новгородцев после похода на Святополка: «Ярославъ иде Кыеву и сѣде на столѣ отця своего Володимира, и нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а новгородьчемъ по 10 всѣмъ, и отпусти я домовь вся» (15)[12], среди более поздних памятников сходное упоминание встречаем в Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», когда Дмитрий после битвы говорит воинам: «Егда же упасеть мя Господь и буду на своем столѣ, на великом княжении, въ градѣ Москвѣ, тогда имам по достоанию даровати вас» (47). Обобщенная форма выражения одного и того же понятия (по достоинству – «по достоанию») сближает повесть о Святославе с поздним памятником.

Юрий в этом фрагменте – справедливый и милостивый князь, осознающий значение воинского подвига брата и всех русских воинов и награждающий их по заслугам. Так сыновья Всеволода Большое Гнездо прославляются в повести как верные союзники в борьбе за интересы Руси, опытные воины и полководцы.

Оба варианта повести – и в Ермолинском, и в Московском своде – отличаются светским характером. В них нет мотива Божьей помощи, нет датировок событий через упоминание церковных праздников, характерных для Владимирского свода, вошедшего в Лаврентьевскую летопись, отсутствуют цитаты из Библии, характерные для владимирских летописцев XII–XIII вв.

Повесть по Московскому своду явственно проявляет тенденцию к детализации, описательности, внимание к героям и в известной мере стремление к психологизму в изображении людей, эмоциональности текста, которая достигается за счет эвфонических приемов. Эти особенности подтверждают предположение А. Н. Насонова о том, что «записывавший был при Святославе»[13].

Рассмотрев соотношение двух летописных повестей, можно предположить четыре возможных варианта их возникновения: 1) они отразили рассказы, созданные во Владимиро-Суздальском княжестве в XIII в., второй из которых представлял переработку первого; 2) Ермолинская летопись сократила

общий с Московским сводом протограф; 3) она более точно воспроизвела исходный текст, а сводчик Московской летописи дополнил его; 4) если опираться на гипотезу А. А. Шахматова, возможно предположить, что во владычном своде времени Ефрема древняя владимирская повесть была доработана в стилистическом отношении и в этом виде вошла в Московский свод, в своде же времени Вассиана Рыло она была зафиксирована в первоначальном варианте, который вошел в Ермолинскую летопись.

Соотношение литературных особенностей двух текстов заставляет сомневаться в справедливости данного предположения. Мелкие лексические и детализирующие изменения двух текстов вряд ли могли быть так последовательно проведены путем изъятия частей редактором Ермолинской летописи, ведь они принципиально не изменяли содержания текста.

Есть основания и для того, чтобы отвергнуть второй вариант. Рассматривая окружение повести в Московском своде, легко обнаружить, что в целом тексты отличаются краткостью и сдержанностью в описании событий, московские летописцы 70-х гг. XV в. снимали из повестей, зафиксированных более древними летописями, например Софийской I, риторические элементы и повторы. Эвфонические приемы, наблюдаемые в повести 1220 г., используются очень редко. Подробные повествования, сходные описательностью и конкретностью с анализируемым текстом, единичны, самый яркий пример – это повесть 1207 г., которая была отнесена М. Д. Приселковым к тому же источнику, что и рассматриваемая[14]. Все это заставляет предполагать, что особенности, отличающие рассматриваемую повесть, не свойственны манере составителя свода 1479 г., а следовательно, отпадает гипотеза о расширении в нем общего с Ермолинской протографа.

Первое предположение косвенно подтверждается следующим соображением. Внимание к Юрию, проявленное в тексте Московского свода, может свидетельствовать о варианте, который владимирский летописец составил, по словам А. Н. Насонова, «для прославления или в память великого князя владимирского Юрия»[15], а отсутствие внимания к этому князю в Ермолинской летописи – о работе не великокняжеского сводчика, не подчеркивавшего роль старшего из князей, который к тому же не участвовал в походе. Таким образом, исходные тексты обеих повестей могли быть созданы в XIII в.

Подтверждение этой гипотезы могло бы исходить из осознания окружения повести как явления древнего владимирско-

го летописания. Однако ни один из дошедших до нас летописных сводов не отражает в целом древних источников Ермолинской и Московской летописей. В связи с этим, возможно, стоит обратиться за некоторыми аналогиями к явлениям изобразительного искусства XIII в., тем более что памятником походу 1220 г. стал известный собор в Юрьеве Польском, заложенный в 1230 г. главным героем повести князем Святославом Всеволодовичем на месте обветшавшего Георгиевского собора, который был построен Юрием Долгоруким в 1152 г. Он сохранил свое название, будучи теперь уже, видимо, посвященным небесному патрону Юрия (Георгия) Всеволодовича, старшего брата Святослава, одного из персонажей повести. Святой Георгий – воин изображен на одном из барельефов храма. Ермолинская летопись под 1230 г. сообщает: «Того же лета Святославъ разруши церквь вь Юрьеве, юже бо бе обетшала, еже преже созда дедъ его Юрьи, и созда чюдну велми, резанымъ каменемъ» (103). В Московском своде аналогичное известие помещено под 1234 г.: «Благоверныи князь Святослав Всеволодич свершы церковь въ Юрьеве святаго великомученика Георгиа и украси и паче инехъ церквеи, бе бо изъвну около всеа церкви по каменею резаны святые чюдно велми, иже есть и до сего дне» (173). Нужно думать, что первый свод определяет год закладки собора, а второй – время его завершения. Тверской сборник, повторяя в общих чертах сообщение Ермолинской, добавляет к нему, что Святослав «самъ бѣ мастер» (355)[16]. Комментируя это дополнение, Г.К. Вагнер писал о том, что «Святослав мог быть вдохновителем всей работы» и, возможно, создателем композиции Распятия[17]. Находил исследователь на стене собора и портрет князя Святослава: «Спокойное, открытое выражение несколько холеного лица, ...по-кочевнически загнутые слегка вверх усы, челка волос, выбивающаяся из-под шапки-шлема, свидетельствуют о том, что это не декоративная маска, а именно портрет, в данном случае ктиторский портрет»[18]. Среди барельефов искусствовед обнаруживал образы воинов Святослава, чей героический облик ярко отразился в повести: «Рельефы дружинников занимают не только капители, но даже венчают барабан главы, что было совсем невиданным явлением. В религиозных сюжетах особо подчеркнуты такие, в которых тоже сильно звучали мотивы героического подвига, верности правому делу»[19].

Рассмотрев всю систему рельефов собора, содержащих «много светских мотивов, внесенных... непосредственно из городской действительности»[20], Г.К. Вагнер пришел к выводу о

том, что это «начало нового искусства, посвященного миру человеческих отношений»[21]. Светские мотивы и внимание к человеку сближают повесть, отразившуюся в Московском своде, и скульптуру Георгиевского собора, а это может говорить о том, что они принадлежат одной и той же эпохе в развитии культуры Владимиро-Суздальского княжества.

В то же время внимание к стилистической и звуковой переработке текстов более свойственно литературе начиная с конца XIV в., то есть связывать эту работе логичнее со сводом времени Ефрема.

Таким образом, все имеющиеся факты и логические доводы свидетельствуют в пользу возможности двухэтапной переработки текста. Повесть, зафиксированная Ермолинской летописью, представляется более ранней. Текст, впервые отразившийся в Московском летописном своде, мог вести начало от Владимирского свода Юрия Всеволодовича, в котором был переработан более ранний вариант, а затем он, возможно, был стилистически доработан книжником, составлявшим свод времени Ефрема, и в таком виде оказался включенным в Московский свод.

Из более поздних редакций повести привлекает внимание вариант Тверского сборника. Прежде всего, она занимает иное структурное место в летописной статье. В двух рассмотренных летописях повесть о походе Святослава начинает летописную статью 1120 г. В Тверском сборнике до нее приведен ряд погодных записей о различных событиях. В Ермолинской и Московской летописях сразу вслед за сообщением о возвращении Святослава в Юрьев следует повествование о дальнейшем развитии отношений Юрия с булгарами. Тверской летописец отнес этот текст в следующую годовую статью, а в той же статье 1220 г. поместил несколько новгородских известий.

В текст, известный по Ермолинской летописи, сделан ряд вставок. В первой половине текста в нескольких случаях добавлены отчества князей, причем даже тогда, когда они избыточны («А Давыдъ Муромский посла сына Святослава Давыдича, а брать его Юрий сына Олга Юрьевича» – 330). Рассказав о встрече войск, автор добавляет формулу: «и поидоша противъ себе» (330), которой не было в двух более ранних летописях. Одна из вставок весьма примечательна: тверской летописец замечает, что город Ошел «бѣ создань Александромъ Македонскымъ» (331). Возможно, эти сведения связаны с Хронографом, который публикаторы летописи называют одним

из источников Тверского сборника (V). К дате взятия Ошела – 15 июня – тверской летописец добавил уточнение по церковному календарю, которое было в Лаврентьевской летописи: «на память святаго пророка Амоса» (331). Две ранние летописи сообщали о встрече победителя у Боголюбова, Тверская летопись говорит: «пришедшу ему в Клязму, срѣте его князь великий Юрий» (331).

Внимание привлекает также изменение перечня инструментов, которые использовало войско Святослава во время торжественного марша: «и удариша в накры, и въ арганы, и въ трубы, и въ сурны и въ посвистѣли» (331) – количество перечисленных инструментов больше, чем в ранних вариантах повести, лексически совпадает только указание на трубы, слово «накра» означало бубен, барабан, так что по существу сам предмет тоже совпадает с инструментом, упомянутом в предшествующих повестях. Увеличение ряда связано, очевидно, с желанием автора подчеркнуть значительность зрелища, представшего перед побежденными врагами. Таким образом, переработка Тверской летописью текста связана в основном с установкой на уточнение некоторых сведений, с привлечением, видимо, дополнительных к основному источников.

Текст повести в других летописях XVI в. не содержит следов сколько-нибудь целенаправленной переработки, скорее можно говорить о немногих незначительных изменениях.

Таким образом, история редактирования повести о походе Святослава в летописях отражает литературные манеры разных авторов и эпох – от лаконичного сообщения одного из древних владимирских сводов в составе Лаврентьевской летописи до литературно-изысканного повествования Московского свода, усвоенного крупнейшими летописями XVI в. – Воскресенской и Никоновской по Лаптевскому списку.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 111.

[2] *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 89.

[3] Текст Лаврентьевской летописи цит. по изд.: ПСРЛ. Т. I. М., 1997.

[4] *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 648.

[5] *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII вв.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 260–274.

[6] *Шахматов А.А.* Указ. соч. С. 776; *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 253.

[7] Здесь и далее текст Московского летописного свода цит. по изд.: Русские летописи. Рязань, 2000. Т. 8.

[8] Здесь и далее текст Ермолинской летописи цит. по изд.: Русские летописи. Рязань, 2000. Т. 7.

[9] Текст цит. по изд.: Слово о полку Игореве / Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1985.

[10] Памятники Куликовского цикла цит. по изд.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

[11] См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Т. 1. С. 138.

[12] Новгородская I летопись старшего и младшего изводов / ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

[13] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII вв. С. 224.

[14] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1997. С. 250–252.

[15] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 224.

[16] Рогожский летописец. Тверской сборник / ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. С. 355.

[17] *Вагнер Г. К.* Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966. С. 50.

[18] Там же. С. 34.

[19] Там же. С. 17. См. также: *Воронин Н. Н.* Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1967. С. 286.

[20] *Вагнер Г. К.* Указ. соч. С. 30.

[21] Там же. С. 56.